

- • - ПРИХОД - • -

Приход. Православная газета

Коллектив авторов

**Приход № 8 (июль
2014). Петр и Павел**

«Грозовский М. В.»

2014

Коллектив авторов

Приход № 8 (июль 2014). Петр и Павел / Коллектив авторов — «Грозовский М. В.», 2014 — (Приход. Православная газета)

Православная газета «Приход» не похожа на все, что вы читали раньше, ее задача удивлять и будоражить дух. Поднимаемые в ней вопросы призваны поддержать здоровую дискуссию вокруг важнейших вопросов жизни Церкви, а не заклеить и растоптать. Газета будет интересна как делающим первые шаги в Церкви или уже крепким прихожанам, так и людям, у которых Бог в душе. Среди постоянных рубрик «Прихода» – «Мнения», «Новый Завет», «Миссионерская школа» и «Культура». В номере на Петра и Павла, наконец, очень много обратной связи по поводу статей, публиковавшихся в последних двух выпусках. В «Полемике» интереснейшие дебаты по поводу (не) возможности объединения с католиками. В «Новом Завете» обсуждаем сложные места из Евангелия на примере фрагмента, в котором Иисус говорит, что не надо нам совсем заботиться о земном. Еще делимся собственным опытом проведения бесед перед крещением – важнейшей части подготовки добрых христиан, о которой многие забывают. За границу родины отправляется наш собственный корреспондент, передающий репортаж из далеких Арабских Эмиратов, где тоже есть православный храм. Завершаем рубрику интервью с сыном основателя православного радио Америки, выдающемся христианском информационном ресурсе наших дней.

© Коллектив авторов, 2014

© Грозовский М. В., 2014

Содержание

Навигатор	5
Мнения	6
История	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Приход № 7. Петр и Павел

Навигатор

В номере не Петра и Павла наша обычная историческая рубрика, позаимствованная со страниц книги священника Георгия Митрофанова, а также, наконец, очень много обратной связи по поводу статей, публиковавшихся в последних двух выпусках. Спасибо ребятам!

В «Полемике» интереснейшие дебаты по поводу (не) возможности объединения с католиками. «Новый Завет» открываем сложным фрагментом из Евангелия, в котором Иисус говорит, что не надо нам совсем заботиться о земном. Как же так? В «Апостоле» – опыт литургической проповеди на Петра и Павла по мотивам лекции архимандрита Ианнуария Ивлиева.

«Миссионерскую школу» открывает продолжение серии публикаций по страстям и добродетелям архимандрита из Англии. Еще делимся собственным опытом проведения бесед перед крещением – важнейшей части подготовки добрых христиан, о которой многие забывают. За границу родины отправляется наш собственный корреспондент, передающий репортаж из далеких Арабских Эмиратов, где тоже есть православный храм. Завершаем рубрику интервью с сыном основателя православного радио Америки, выдающемся христианском информационном ресурсе наших дней.

В «Электроглях» добрый и трогательный рассказ нашего жителя Василия Ивановича Безрукова.

Мнения

История

В пленении и скорби. Русская Церковь и советские военнопленные в годы Второй мировой войны

Фрагмент сборника статей священника Георгия Митрофанова «Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века»

Судьба советских военнопленных в годы Второй мировой войны составляет одну из самых трагичных, не имеющих аналогов в мировой военной истории страниц нашего прошлого. В течение послевоенных десятилетий вопрос о судьбе советских военнопленных либо обходился молчанием, либо рассматривался с тенденциозных, подчиненных требованиям коммунистической пропаганды позиций. Лишь в последние двадцать лет этот вопрос стал предметом как научно объективного исследования историков, так и нравственно взвешенного изображения публицистов. Однако «белым пятном» в исследовательской литературе продолжает оставаться тема участия в судьбе военнопленных Русской Православной Церкви, который попытался в той трагической ситуации последовательно и бескорыстно оказывать помощь хотя бы немногим из миллионов страдальцев, оказавшихся в немецко-фашистских лагерях для военнопленных. И несмотря на то, что в последние годы стали появляться работы, в которых уделяется некоторое внимание изучению данного вопроса, в отечественной церковно-исторической литературе тема помощи советским военнопленным со стороны Церкви так и не находила до настоящего времени своего сколько-нибудь заметного отражения, возможно, в связи с тем, что наибольшую помощь советским военнопленным оказывали представители Русской Православной Церкви Заграницей.

Сопровождавшееся многочисленными окружениями частей Красной армии стремительное наступление германских вооруженных сил привело уже в конце 1941 г. к тому, что в ближнем и дальнем тылу немецко-фашистских войск оказалось около 3,5 млн советских военнопленных, к которым в 1942 г. прибавилось еще более 1 млн. Всего же за период войны количество советских военнопленных достигло около 6 млн человек. Столь массовое пленение советских военнослужащих, превратившееся уже в первые месяцы войны в беспрецедентную в мировой военной истории гуманитарную катастрофу, делало практически невозможным создание для них условий содержания, соответствующих требованиям международных соглашений о военнопленных, даже если бы фашистская Германия и СССР готовы были их соблюдать. Однако тоталитарные режимы обеих стран фактически отказались от исполнения требований не только Женевской, но и Гаагской конвенций о военнопленных.

Уже 16 июня 1941 г. генерал Г. Рейнеке, начальник Службы общего управления армии при Верховном командовании Вооруженными силами Германии, которая определяла политику армии по отношению к военнопленным, издал директиву об обращении с попавшими в плен советскими военнослужащими. Эта директива не только подтверждала ранее действовавший приказ о немедленном расстреле попадавших в плен политработников, сотрудников НКВД и военнослужащих еврейской национальности, но и подчеркивала, что «в отношении военнопленных Красной армии следует соблюдать исключительную осторожность и настороженность. Следует считаться со злонамеренным поведением, особенно военнопленных азиатского происхождения. Поэтому необходимо решительное и энергичное пресечение даже малейших признаков неповиновения». «Большевистский солдат потерял право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... —

писал генерал Г. Рейнеке в директиве от 8 сентября 1941 г. – При малейшем намеке на неподчинение... должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... Использование оружия против советских военнопленных вполне законно». Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на некоторые изменения в германской политике по отношению к советским военнопленным после 1942 г., основные принципы этой политики, основывавшейся на постулатах нацистской идеологии, последовательно проводились в жизнь на протяжении всего периода войны.

Не менее жестокой по отношению к советским военнопленным оказывалась политика советского руководства, исходившая из принципов столь же человеконенавистнической, как и нацистская, коммунистической идеологии. Отказываясь на протяжении всего периода войны от каких бы то ни было переговоров с германским руководством об оказании помощи советским военнопленным при посредничестве Международного Красного Креста, сталинский режим уже в первые месяцы войны объявил своих военнопленных изменниками Родины. В приказе народного комиссара обороны СССР № 270 от 16 августа 1941 г. подчеркивалось: «Командиров и политработников, во время боя срывающих знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою родину дезертиров... Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим. И если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен, – уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». На протяжении всей войны коммунистическое руководство не только не предпринимало никаких попыток облегчить отчаянное положение советских военнопленных, но всячески насаждало пропагандистское представление о них как о государственных преступниках, судьба которых не может иметь никакого значения для СССР.

Результатом столь преступной политики двух тоталитарных режимов по отношению к почти 6 млн советских военнопленных стала гибель в годы войны более чем 3,5 млн военнопленных. Смертность в этот период составляла в среднем 57 %. Для сравнения следует указать, что в годы войны смертность американских и английских военнопленных в немецких лагерях, находившихся благодаря позиции их правительств под покровительством Международного Красного Креста, составляла 3,5 %, и даже смертность американских военнопленных в считавшихся весьма жестокими японских лагерях не превышала 27 %. Иной была судьба русских военнопленных в годы Первой мировой войны, когда правительства России и Германии старались придерживаться принципов международного права по отношению к военнопленным, благодаря чему смертность среди русских военнопленных составляла в среднем 5,4 %.

Оставленные собственным правительством на полный произвол германской военной администрации, выполнявшей человеконенавистнические директивы нацистского партийно-государственного руководства, советские военнопленные были лишены оккупационными властями возможности получать какую-либо помощь и со стороны, впрочем, также находившегося в бедственном положении гражданского населения оккупированной территории СССР. При этом уже с 1942 г. большинство оставшихся в живых военнопленных после самой страшной для них зимы 1941–1942 гг. было переведено в лагеря, находившиеся за бывшей границей СССР.

В этих трагических условиях единственным общественным институтом, способным отозваться на нужды советских военнопленных, оставалась Русская Православная Церковь, которая на протяжении всей своей многовековой истории воспринимала русских военнопленных как своих страждущих в неволе сынов и которая имела огромный опыт оказания как духов-

ной, так и материальной помощи всем пребывающим в узах. Однако охвативший всю оккупированную территорию процесс восстановления церковной жизни, когда на месте практически полностью уничтоженных во время коммунистических гонений десятков епархий и десятков тысяч закрытых приходов за два года было открыто около 10 тыс. храмов, ставил духовенство перед необходимостью осуществлять на возрождавшихся приходах деятельность, направленную прежде всего на пастырское окормление гражданского населения.

Однако уже в ноябре 1941 г. Псковская Духовная миссия выпустила обращение к населению, призывавшее оказывать материальную помощь советским военнопленным, которую члены Миссии готовы были доставлять в лагеря несмотря на весьма сдержанное отношение немецких военных властей. «Тронутые любовью к нашим в плену находящимся братьям, мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды... – подчеркивалось в обращении. – Мы знаем, что русский человек не будет стоять в стороне, когда надо помочь ближнему... Дайте, что можете: одежду, обувь, белье, одеяла и т. д. Все будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным: «Рука дающего да не оскудеет»».

Периодически предпринимавшиеся попытки духовенства оккупированных территорий оказывать пастырскую и гуманитарную помощь советским военнопленным получили формальные возможности для активизации лишь в период, когда большинство военнопленных находилось за пределами территории СССР, и не могли существенно повлиять на общее положение советских военнопленных.

Представители русской церковной иерархии, находившиеся в странах Европы и прежде всего в Германии, где церковноприходская жизнь продолжала развиваться достаточно стабильно даже в годы войны и куда уже в первые месяцы войны стало прибывать значительное число советских военнопленных, попытались живо откликнуться на их столь многочисленные духовные и материальные нужды. Уже 21 июля 1941 г. возглавлявший Германскую епархию Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Серафим (Ляде) обратился с письмом в отдел военнопленных Службы общего управления армии при Верховном командовании Вооруженными силами Германии. В этом письме архиепископ Серафим просил предоставить русскому духовенству возможность «организовать православное душепопечение пленных красноармейцев» и «посылать священников с целью совершения богослужений в лагерях военнопленных». Предложение архиепископа Серафима организовать силами подведомственного ему духовенства систематическое пастырское окормление советских военнопленных в лагерях, находившихся как на территории Германской епархии, так и на других территориях, в конечном счете не получило поддержки Верховного командования Вооруженными силами Германии, руководствовавшегося в течение всего периода войны оперативным приказом начальника Имперской службы безопасности Р. Гейдриха от 16 августа 1941 г. В этом приказе подчеркивалось, что «религиозную опеку военнопленных не следует особо стимулировать и поддерживать. Там, где среди военнопленных имеются священнослужители, последние могут, если это отвечает желанию самих советских людей, осуществлять религиозную деятельность. Привлечение священников из Генерал-губернаторства или с территории Рейха для религиозной опеки советско-русских военнопленных исключается». По справедливому замечанию исследовавшего данный документ М. В. Шкаровского, «фактически этот приказ был близок к полному запрету, так как священники среди военнопленных, естественно, являлись редчайшим исключением, а какое-либо участие зарубежного духовенства категорически исключалось».

Однако исполнение данного приказа представителями лагерной администрации далеко не всегда было безусловным, и уже с первых месяцев войны коменданты отдельных лагерей неоднократно разрешали пастырскую деятельность русского православного духовенства среди военнопленных. Так, например, уже в сентябре – октябре 1941 г. в лагере города Судауена в Восточной Пруссии священником Владимиром Жеромским было проведено несколько богослужений, на которых присутствовало до 1,5 тыс. военнопленных, из которых удалось соста-

вить хор в 50 человек, сумевших по памяти пропеть необходимые для этих богослужений церковные песнопения. Подобные случаи неоднократно имели место в это время не только в лагерях Германии, но и на территории Генерал-губернаторства, где главный комендант лагерей для военнопленных в октябре 1941 г. следующим образом характеризовал опыт проведения лагерных богослужений: «Совершенно добровольное участие в этом и интерес к религиозным вопросам были всегда чрезвычайно высоки... Местами образовывались хоры, которые с большим усердием участвовали в богослужении и разучивали церковные песнопения с большой старательностью и увлечением».

Исходя из неоднократно имевших место прецедентов совершения богослужений в лагерях для военнопленных духовенством Русской Православной Церкви Заграницей осенью – зимой 1941 г., собрание духовенства Германской епархии в январе 1942 г. уполномочило архиепископа Серафима вновь обратиться к Верховному командованию германских вооруженных сил с просьбой о разрешении осуществлять систематическую пастырскую деятельность в лагерях для военнопленных. Однако весной 1942 г. германское военное руководство вновь ответило отказом.

Аналогичная реакция со стороны Верховного командования германских вооруженных сил имела место и по отношению к инициативам представителей церковной иерархии Московской Патриархии, действовавших на оккупированной территории СССР и стремившихся систематически осуществлять духовное окормление военнопленных, остававшихся на данной территории. Последнее из подобных обращений, поступившее со стороны экзарха Московской Патриархии в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского) и даже поддержанное комендантом лагерей для военнопленных при командующем частями вермахта в рейхскомиссариате «Остланд», было отклонено в конце 1943 г.

Наряду с представителями духовенства Русской Православной Церкви Заграницей осуществлять пастырскую деятельность среди советских военнопленных, находившихся в лагерях европейских стран, стремились и находившиеся под особым подозрением у немецких властей священнослужители Западноевропейского экзархата Вселенской Патриархии. Архимандрит Иоанн (Шаховской) впоследствии так описывал свое посещение в 1942 г. офицерского лагеря в окрестностях Бад-Киссингена. «В нем содержалось около 3 тыс. советских командиров, главным образом молодых лейтенантов; но были и штаб-офицеры – в особом здании... Можно представить мое удивление, когда среди этих советских офицеров, родившихся после Октября, сразу же организовался церковный хор, спевший без нот всю литургию. Приблизительно половина пленных захотели принять участие в церковной службе, общей исповеди и причастились Святых Таин. В этой поездке меня сопровождал о. Александр Киселев... Мы остались под огромным впечатлением от этой встречи с несчастными, раздавленными и войной, и лишениями, и унижениями русскими людьми». Следует отметить, что упомянутый архимандритом Иоанном священник Александр Киселев, служивший под омофором митрополита Серафима, весьма успешно, по мнению своего митрополита, начал в это время «окормлять все виды имевшихся под Берлином лагерей».

Регулярно предпринимавшиеся на основе частных договоренностей с отдельными представителями лагерной администрации попытки православного духовенства осуществлять церковную деятельность среди военнопленных подчас приводили к весьма значительным результатам, как, например, в лагере для военнопленных в Луккенвальде, где 2 августа 1943 г. в специально отведенном для этого бараке епископом Потсдамским Филиппом было совершено освящение храма во имя св. равноапостольного князя Владимира. Еженедельные воскресные богослужения в этом храме стали совершаться священником Михаилом Поповым, который был узником данного лагеря.

Опыт создания лагерного храма в Луккенвальде способствовал активизации попыток со стороны митрополита Серафима добиваться разрешения германских властей на рукоположе-

ния священнослужителей для окормления военнопленных из числа самих узников лагерей. И несмотря на то, что Верховное командование германских вооруженных сил не давало принципиального согласия на совершение подобного рода хиротоний, в ряде случаев митрополиту Серафиму удавалось добиваться успеха, как, например, это имело место в случае с рукоположением 20 ноября 1944 г. священника Дмитрия Константинова. Впрочем, священнику Дмитрию Константинову вскоре пришлось организовывать в Дабендорфе походный храм во имя св. апостола Андрея Первозванного, в назначение которого входило пастырское окормление прежде всего тех военнопленных, которые вступили в вооруженные силы Комитета освобождения народов России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.